

2

На правах рукописи

КАЗАКОВА Галина Михайловна

**РЕГИОН КАК СУБКУЛЬТУРНЫЙ ЛОКУС
(на примере Южного Урала)**

24.00.01 – теория и история культуры

**АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора культурологии**

15 ОКТ 2009

1

Москва 2009

Работа выполнена на кафедре культурологии и антропологии
Московского государственного университета культуры и искусств

Научный консультант: **Флиер Андрей Яковлевич,**
доктор философских наук,
профессор

Официальные оппоненты: **Ремизов Вячеслав Александрович,**
доктор культурологии, профессор
Мурзина Ирина Яковлевна,
доктор культурологии, профессор
Ершова Эльвира Борисовна,
доктор исторических наук, профессор

Ведущая организация: Российская академия
государственной службы при
Президенте Российской Федерации

Защита состоится 2 ноября 2009 г. в 11⁰⁰ часов на заседании диссертационного совета Д 210.010.04 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора наук при Московском государственном университете культуры и искусств по адресу: Московская обл., г. Химки-6, ул. Библиотечная, д. 7, корпус 2, зал защиты диссертаций.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Московского государственного университета культуры и искусств.

Автореферат разослан «23» сентября 2009 года

Ученый секретарь диссертационного совета
доктор философских наук,
доцент

Т. Н. Сумина

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Актуализация проблем культурной регионалистики в современной науке связана с нарастанием ряда общественно-исторических процессов: на макроуровне – это диалектически взаимосвязанные мировые процессы глобализации, регионализации и локализации; на мезоуровне – «парад суверенитетов» в постсоветском политическом пространстве, в том числе и на территории России, изменивший ее региональную конфигурацию; на микроуровне – бурный рост регионального самосознания у некогда недифференцированной общности «советский народ». Современные процессы регионализации – это процессы преобразования социокультурного пространства России из монокультурного в поликультурное, гетерогенное, отличающееся многообразием количественных, количественно-качественных и качественных характеристик регионов.

Термин «регион» становится объектом пристального внимания и одним из распространенных и многозначных в научных исследованиях и публицистике. В зависимости от специфики научной дисциплины в содержании «региона» акцентируются разные основания: так экономисты определяют регион как хозяйственно-экономическую общность; географы подразумевают под ним административно-территориальную единицу; краеведы – историко-культурную область; культурологи рассматривают регион как культурно-цивилизационное, духовно-нравственное пространство и т. д. Между тем, безусловно являясь определенной физико-географической и политико-экономической данностью как некой закрепленностью и организованностью, регион выявляет свою специфическую сущность в первую очередь как *социокультурная* единица целого организма России. Однако именно социокультурная составляющая региональной России представляет собой лауну в современном научном знании: не до конца разработана методология подобных исследований, несовершенен понятийно-категориальный аппарат, не обобщен и не введен в широкий научный оборот огромный историко-культурный материал локальных территорий России и т. д. Как следствие – неочевидно их культурное своеобразие, не выявлены традиционные основы и инновационные черты ис-

торико-культурных зон. Подобное несовершенство научной рефлексии не просто затрудняет, а делает неэффективными реформирующие процессы модернизации, их проявление во всех сферах политики – экономической, социальной, культурной.

Актуальность теоретизации вопросов культурной регионалистики *онтологически* обусловлена тем, что:

- социокультурное разнообразие российских регионов – атрибут бытия и основа устойчивости Российского государства;
- необходим поиск новых подходов к регулированию процессов культурной динамики сложносоставного образования, каковым является российская социокультурная система.

Гносеологический статус исследований культурной регионалистики состоит в преодолении «теоретико-методологической асимметрии», а именно:

- существующего разрыва между детальными исследованиями конкретных процессов в отдельных регионах и обобщениями, относящимися к трансформационным процессам в России вообще, минимально учитывающими процесс регионализации;
- доминирования взгляда на регион как часть / фрагмент / составляющую российской социокультурной «целостности»; рассмотрение его как автономной самоорганизующейся системы;
- экстраполяции (заявляемое или «по умолчанию») особенностей развития в исследуемом регионе на «все» региональное развитие;
- минимального использования сравнительных возможностей;
- редкого, ограничивающегося, как правило, политическим, экономическим и правовым анализом, применения междисциплинарного подхода;
- концентрации внимания на трансформационных процессах перестроечного, постперестроечного и переходного периодов без учета советской и досоветской истории региона.

Эпистемологический статус проблемы обусловлен необходимостью научного обоснования теории и методологии культурного регионализма как одной из универсальных и определяющих тенденций современного социокультурного процесса.

Все это определило выбор темы данного диссертационного исследования «Регион как субкультурный локус», теоретические обобщения

ния которого находят подтверждение в социокультурной практике конкретного региона – Южного Урала. Локус (от лат. *locus* – «место») интерпретируется нами как место по территории (геокультурная специфика); по функциям (культурная миссия региона в историко-культурном процессе) и по значению (количественному, количественно-качественному и качественному в общей картине мирового и российского культурогенеза). Научный подход к региону как субкультурному локусу предполагает иерархическую соотнесенность с категориями более высокого порядка (в данном случае – с национальной и мировой культурой) в качестве соотношения части и целого.

Выбор территории Южного Урала был обусловлен тем, что ранее она не становилась предметом научного обобщения по культурологической проблематике. Кроме того, обладая «культурной срединностью», находясь между западной и восточной, европейской и азиатской, индустриальной и аграрной и т. д. культурами, Южный Урал представляет собой уникальную социокультурную модель, воплотившую значительный спектр специфических черт, в той или иной мере присущих иным российским регионам. Это позволяет наиболее полно и системно раскрыть проблему региона как субкультурного локуса.

В нашем исследовании «ядром» Южноуральского историко-культурного региона мы будем считать территорию современной Челябинской области, с учетом того, что границы *историко-культурного региона* Южный Урал несколько шире административных границ Челябинской области и включают приграничные районы соседних областей (Свердловской, Оренбургской, Курганской) и республик (Башкортостан и Казахстан). При этом социокультурная граница региона имеет размытые, диффузные очертания.

Состояние научной разработанности проблемы. Анализ имеющихся научных исследований и литературы позволяет констатировать, что по данной проблеме культурологических работ нет.

Исследование региона как *геокультурного пространства* осуществлено на основе концепций географического детерминизма, родоначальниками которого были Ф. Ратцель, Л. Фробениус, Ф. Гребнер (в Германии), Д. Н. Анучин, В. Г. Богораз-Тан (в России), Дж. Ф. Картер, Дж. Спенсер, В. Томас, П. Хаггет (в Америке) и др. Антропогеографическими и хорологическими мотивами был пронизан выдающийся

труд В. П. Семенова-Тян-Шанского «Район и страна». Идеи *культурного ландшафта* выдвинули Л. С. Берг и К. Зауэр. Всплеск и возрождение интереса к культурному началу пространственных явлений приходится на 90-е гг. XX в.: Ю. А. Веденин и его школа, С. М. Мяков, В. Л. Каганский, В. Н. Калуцков, А. Е. Левинтов, Ю. Г. Симонов, Р. Ф. Туровский, А. И. Трейвиш, В. Н. Стрелецкий, Д. Н. Замятин, Н. Ю. Замятина и др..

Изучение региона как фрагмента *социокультурного пространства* опирается на философско-социологической концепции П. Бурдьё, П. Бергера, П. А. Сорокина, Э. Гидденса, Р. Коллинза, А. С. Ахиезера, И. А. Иконниковой, А. Я. Гуревича, Г. Е. Зборовского, Б. С. Хорева и др.; частным аспектам социального пространства посвящены труды Н. Г. Агафонова, Н. А. Аитова, А. В. Баранова, В. А. Глазычева, Л. Н. Когана, М. Н. Межевича и др.

Подходы к региону как территориально-пространственной организации постулировались *теорией районирования*. Можно утверждать, что первые шаги в *культурном районировании* сделали ученые О. Шпенглер, А. Тойнби, Н. А. Данилевский, Л. Н. Гумилев, П. А. Сорокин и др., чьи теории представляли собой попытку районирования ойкумены, ее деления на культурные пространства, отличающиеся своей яркой индивидуальностью. В отечественной науке традиция районирования была заложена в XVIII в. В. Н. Татищевым, С. П. Крашенинниковым, П. И. Рычковым, И. И. Лепехиным, М. В. Ломоносовым и др., а позднее продолжена экономистами и географами К. И. Арсеньевым, А. И. Васильчиковым, В. В. Виннер, Д. И. Менделеевым, Д. И. Рихтером, В. П. Семеновым-Тян-Шанским, А. Ф. Фортунатовым, А. Н. Челинцевым и др.

Постепенно сравнительный метод, пришедший из географии, перестал использоваться в ряде наук. На смену ему пришел системно-типологический метод. Регион стал мыслиться как уникальное локальное единство времени и пространства, которому свойственны внутренняя самодостаточность.

Приверженцами данного подхода к региону стали: родоначальники *геософии* Л. И. Мечников, Н. С. Трубецкой, П. Н. Савицкий, Г. В. Вернадский, Л. Н. Гумилев; авторы концепции «*культурных ареалов*» А. Гольденвейзер, Р. Лоуи, А. Кребер, К. Уисслер и др.; сто-

ронники идей «духа ландшафта» («духа территорий») В. Шубарт, М. Хайдеггер и др.; основатели теории «историко-культурных зон» А. С. Герд, Г. С. Лебедев и др.

Подход к региону как *форме историогенеза* зародился в рамках исторического краеведения и региональной / провинциальной историографии, исследователи которых утверждали своеобразие местной истории и культуры. Лидирующее положение в этом движении занимали Н. П. Анциферов, Л. С. Берг, В. В. Богданов, М. М. Богословский, А. Л. Бродский, И. М. Гревс, А. И. Дзен-Литовский, А. А. Золотарев, Н. П. Павлов-Сильванский, Н. К. Пиксанов, А. П. Пинкевич, В. С. Растопчин, В. Г. Розелин, М. Я. Феноменов и др. Их теоретические наработки способствовали укоренению теории «культурных гнезд» и «местнообластнического подхода» в изучении истории России.

Основы для рассмотрения региона как результата сложных культурогенетических процессов были заложены научными взглядами С. А. Арутюнова, Ю. В. Бромляя, В. Е. Давидовича, И. М. Дьяконова, Ю. А. Жданова, М. С. Кагана, Э. С. Маркаряна, В. М. Межуева, А. А. Пелипенко, И. Г. Яковенко и др. Значительный методологический базис современной культурогенетики был заложен А. Я. Флиером. Теоретические наработки были конкретизированы изучением социокультурной практики регионов в трудах А. С. Ахиезера, Т. Н. Арцыбашевой, И. В. Кондакова, А. В. Шестаковой и др.

Методология изучения региона как *смыслонаполненного, смыслообразующего пространства и как текста* была заложена классическими работами представителей тартусской школы, Ю. М. Лотмана, В. Н. Топорова и др. Позднее появились исследования по изучению семантики и структуры отдельных исторических областей России: В. В. Абашева, А. Н. Давыдовой, О. А. Лаврениевой, И. А. Разумовой, Е. В. Милюковой, И. И. Митина и ряд других.

Преодоление однонаправленной трактовки региона в границах частных наук осуществилось в рамках *системного подхода* (Г. А. Аванесова, О. Н. Астафьева и др.).

Обращение к проблемам *истории регионализации* России неизбежно привело к осмыслению специфики российского пространства и обращению к трудам по проблемам колонизации России (В. О. Ключ-

чевский, М. К. Любавский, С. А. Соловьев, Н. А. Бердяев, А. С. Ахиезер, И. В. Кондаков, В. В. Марков, В. В. Алексеев, А. В. Ремнев и др.).

Концептуализация *модели российской социокультурной системы* как системы регионов потребовала опоры на взгляды Д. В. Николаенко, Г. Н. Нурышева, Л. В. Смирнягина, Х. Г. Тхагапсоева, С. А. Рыженковой, Г. Люхтерхандт-Михалевой и др.

Рассмотрение *региональной идентичности и регионального самосознания* как социокультурного механизма институализации региона обусловило анализ научных взглядов как известных историков прошлого (Н. И. Костомарова, С. М. Соловьева, М. П. Погодина, Г. Н. Потанина, А. П. Щапова, Н. М. Ядринцева и др.), так и современников (И. Н. Белобородовой, А. О. Боронова, Н. В. Живенок, М. П. Крылова, И. В. Малыгиной, Л. В. Смирнягина, Н. В. Сверкуновой, Н. Петрова, М. М. Прохорова, Р. Ф. Туровского, О. И. Орачевой и др.), чье столкновение позиций породило любопытную исследовательскую интригу.

Региональная культура как особая форма самосознания региона, локализирующая, концентрирующая и репрезентирующая его самобытность и уникальную специфику, явилась предметом научных изысканий И. Я. Мурзиной, А. Э. Мурзина, Л. Г. Скульмовской, С. В. Нестеровой, Л. М. Мосоловой, М. А. Орешинной, В. С. Цукермана и др.

По истории и культуре изучаемого региона *Южного Урала* самыми ранними источниками явились путевые заметки и исследования И. И. Лепехина, П. С. Палласа, И. Г. Георги, П. И. Рычкова, К. К. Абазы, В. де Генина, М. А. Круковского, М. Голубых и др. Особенности духовной и материальной культур южноуральцев раскрываются в трудах Б. Б. Кафенгауза, Н. И. Павленко, М. В. Вагина, М. Ю. Крупянской и Н. С. Полищук, В. В. Блажес, Т. К. Гуськовой, Д. В. Гаврилова, С. В. Голиковой, А. И. Лазарева, В. П. Кругляшовой, Н. А. Миненко, И. Я. Мурзиной, В. Е. Гусева и др. В настоящее время пристально изучается религиозная жизнь южноуральцев (И. Л. Манькова, А. В. Мангилева.); вопросы общественного сознания и ментальности уральцев (Р. Г. Пихоя, В. А. Шкерин); этнокультурные процессы на территории Южного Урала (Р. Г. Кузеев, Н. А. Мажитов, Н. Г. Чагин, И. Я. Галигузов и др.). Учеными накоплен богатейший материал по художественной культуре региона (Н. С. Алферов, Е. Н. Бубнов,

Л. П. Байнов, В. А. Барадулин, М. М. Глинкин А. Ю. Каптиков, М. П. Мочалова, Б. В. Павловский, А. М. Раскин и др.).

Объект диссертационного исследования: российский регион как субкультурный локус в статике и культурной динамике на примере Южного Урала.

Предмет исследования: типологизирующие критерии и идентификационные признаки региона как субкультурного локуса.

Цель исследования: разработка комплексной междисциплинарной теоретико-методологической концепции исследования феномена региона как локальной модальности (на конкретно-историческом материале Южного Урала) и построение на этой основе обобщающей модели российской социокультурной системы для компаративного анализа региональных субкультурных локусов.

Реализация поставленной цели предполагает решение следующих **задач:**

- исследовать регион как субкультурный локус в контексте полиморфизма теорий гуманитаристики: выявить эвристический потенциал географического, историко-культурного, герменевтического, информационно-коммуникационного, системно-синергетического и др. подходов;
- проанализировать историографические основания культурной регионалистики в целом и изучения культуросферы Южного Урала в частности;
- разработать комплексную систему взглядов на регион как субкультурный локус в синхронном (через комплексное рассмотрение его как социокультурного пространства и культурного ландшафта, как репрезентанта историко- и культурогенеза, как формы коммуникации, как фрагмента семносферы, как формы организации социума, как самоорганизующейся системы и т. д.) и диахронном измерении (через анализ культурной динамики российских регионов);
- выявить системообразующие факторы формирования регионального субкультурного локуса: природно-ландшафтные, социально-исторические, социокультурные;
- концептуализировать сущностные характеристики, родо-видовые признаки, структурные основания и функции региональной культуры в контексте современного культурологического дискурса;

- раскрыть диалектику универсального (типического) и локального (специфического) в региональной культуре как форме самосознания региона;
- исследовать региональную идентичность как культуромаркирующий признак региона, проблемы ее формирования и развития в исторических реалиях и научном культурологическом знании;
- выявить этапы и особенности культурной динамики российских регионов: как внешней (в контексте процессов колонизации как фактора регионализации русской культуры), так и внутренней (обусловленной геоландшафтной, социально-политической и культурно-исторической спецификой локуса);
- обобщить культурное многообразие современной региональной структуры России через концептуализацию модели российской социокультурной системы;
- рассмотреть Южноуральский регион как локус интерференции геоландшафтных, социально-общностных, ментальных и социокультурных структур.
- ввести новый региональный материал в научное поле культурного регионализма;

Гипотеза исследования: Регион выступает в качестве одного из значимых таксонов геокультурного ландшафта и рассматривается в качестве одной из возможных моделей развития отдельной территории мирового пространства, ориентированной на сохранение локальной культурной специфики.

Россия состоит из регионов, представляющих не только различные социокультурные уклады жизни, но и различные подтипы русской цивилизации, требующие культурологического осмысления. На территориальную поляризацию накладывается цивилизационная.

Предполагается, что самобытность и неповторимость региона обусловлены сложноструктурностью и многоликостью связей между его локальными частями. При этом все подсистемы региона также обладают свойствами сложных открытых систем: они достаточно автономны, дополняют друг друга, их единство как разнородностей складывается исторически, постепенно, компромиссно. При этом история развития этих переходных состояний – многовекторна, нелинейна, синергетична.

Теоретико-методологические основы и методы исследования.

Методологии и методы исследования в значительной степени обусловлены качественной определенностью целей и задач, а также объектом и предметом исследования. Междисциплинарный характер, сложность проблематики потребовали привлечения широкого спектра как общенаучных методов, так и методов частных гуманитарных наук.

Вслед за М. С. Каганом мы определяем культуру как «системную, исторически образовавшуюся многостороннюю целостность специфических способов деятельности и ее опредмеченных плодов – материальных, духовных и художественных...»¹.

Изучение региона как субкультурного локуса потребовало обращения к *структурно-функционалистской* методологии как основной (при рассмотрении проблемы в социальной динамике) и в качестве вспомогательных - к *неоэволюционистской* (при рассмотрении проблемы в исторической динамике) и *структуралистской* (при рассмотрении культуры как смыслонесущего текста).

Региональный подход, как один из доминирующих, был реализован в связке *системно-типологического* и *компаративистского* методов. Регионоведческий анализ предполагал, с одной стороны, реконструкцию региональной целостности изнутри, с другой – идентификацию ее пределов извне, связей региона с глобальным целым. Методами обнаружения внутренних связей региональной целостности были: *экстраполяция* – условное распространение выводов на другие регионы, возможное только при соблюдении репрезентативности (возможности по какой-то части целого судить о целом); *историческая реконструкция и моделирование*, поскольку многие процессы, имеющие место на территории региона, берут свое начало, продолжают или заканчиваются за его пределами; *компаративный анализ*, предполагающий межрегиональное сопоставление, чтобы лучше выяснить смысл внутрирегиональных процессов, выявить степень их своеобразия. При этом применялись *генетический* и *системный* анализы материала.

¹ Каган, М. С. Философия культуры / М. С. Каган. – СПб: Петрополис, 1996. – С. 47 – 48

Научная новизна диссертационного исследования состоит в следующем:

- разработана комплексная система взглядов на регион как субкультурный локус на синтезе теоретико-методологических оснований гуманитарных наук в синхронном и диахронном измерении (регион как культурный ландшафт, как социокультурное пространство, как район, как «месторазвитие», как культурный ареал, как историко-краеведческая форма – край / область, как «культурное гнездо», как воплощение «духа места», как историко-культурная зона, как репрезентант историко- и культурогенеза, как фрагмент семиосферы, как форма коммуникации, как форма организации социума, как самоорганизующаяся система);
- определены основные группы культуuroобразующих факторов регионального локуса – природно-ландшафтные, социально-исторические и социокультурные;
- исследованы процессы регионального культурогенеза в контексте русской колонизации, понимаемой как многовариантное включение новых земель / регионов в имперскую сферу Российской державы и появления «многих России» – новых региональных «миров», каждый из которых отличается особой социокультурной спецификой;
- сформулированы и обоснованы критерии авторского варианта культурного районирования России – геоландшафтные, историко- и социокультурные, используемые для компаративного анализа различных региональных субкультурных локусов;
- выстроена модель российской социокультурной системы как совокупной целостности регионов: Центральной России, Северо-Запада, Русского Севера, Юга России, Поволжья, Урала, Сибири, Дальнего Востока, каждый из которых, как ее часть, характеризуется объективностью, устойчивостью, особым качеством, своеобразной конфигурацией, сложносоставностью и соответствием целому;
- определены сущность и роль региональной идентичности как культурного маркера региона, как проявления принципа эмерджентности (возникновения нового качества у синтеза элементов, каждый из которых подобного качества не имел); появление особого регионального типа личности, детерминированного особенностями природно-

ландшафтного, историко-социального, производственно-хозяйственного, социокультурного развития конкретной территории;

- проанализирована региональная культура как форма самосознания населения региона, как консолидирующий фактор регионального общества; в контексте диалектики универсального и локального, типичного и специфичного выявлены ее сущностные характеристики, структурные основания, функции, «общее» как проявление общероссийского и «особенное», «единичное» (на примере Южного Урала);
- концептуализировано формирование социокультурной специфики Южноуральского региона как гетерогенной (наряду с индустриальностью – совокупность доминант казачьей субкультуры и значительным иноэтничным, в особенности тюркским, влиянием);
- выявлены генетические основы, базовые закономерности и константные характеристики субкультурного локуса Южноуральского региона: специфика регионального топоса, культурные итоги цивилизационного движения за «Камень», структуры повседневности Южноуральской субкультуры;
- введен новый региональный материал в научное поле культурного регионализма;
- обоснована южноуральская модификация региональной идентичности, черты уникального регионального типа «уральца», характеристика «уральского характера» как ценностно-поведенческого комплекса, ярко не выраженного, но определяющего в некоторой степени установки и поведение части уральского населения;
- выявлено персонифицирующее начало в формировании ментальной структуры населения Южного Урала, обобщены локусы «творцов» региональной культуры – уральский рабочий, просветитель-практик (горные инженеры, техническая интеллигенция), служивый человек (уральские казаки), богослуживый человек (старообрядцы, уральское монашество), городской житель (уральские купцы, мещане).

Положения, выносимые на защиту.

1. Типологизирующими критериями региона выступают его специфика как «ландшафтного тела» (В. Л. Каганский) и «человеческого пространства» (В. Вернадский), в силу чего ему присущ дуализм природного и культурного. В процессе жизнедеятельности регионального общества ландшафт выполняет роль ресурсовоспроизводящей,

средовоспроизводящей и хранящей генофонд системы. Структура региона накладывается на структуру пространства: пространственные слои, в которых актуализируется регион, разномасштабны (историко-культурный, социальный, этнический, политический, семантический, ментальный и др.). Но регион претендует на некоторое сверхфункциональное единство, которое заведомо полиморфно, многообразно.

Многообразие моделей типологизации регионов задается, в том числе, и многообразием трактовок их границ. Как правило, вопрос о границах конструируемого региона / края / области мыслится исследователями через историчность их образования. Региональная история оперирует комбинированными границами. Комбинированность границ достигается за счет соположения рефлексии *пространственного* континуума (рубежи, расстояния, пределы, края, барьеры, препятствия, местности и т. д.) и *культурно-исторических* границ.

2. При рассмотрении региона как геокультурного пространства и ландшафта необходимо иметь в виду его ограничение не только *пространственными*, но и *временными* рамками. Регионы имеют свою динамику развития, новая историческая эпоха меняет культурный ландшафт, привнося свои ценности, стили, образы, не заботясь о сбережении прошлых достижений. В результате этого эволюция региона во времени предстает как трансформация его исторических пластов. Вот почему регионы, даже сохраняясь в разные исторические эпохи в рамках пространственных границ, предстают как вечно меняющееся явление.

3. Исследование идентифицирующих признаков региона имеет свою диалектику, которая заключается в следующем: регион является частью целого образования, но он в свою очередь – сложносоставное явление. Целостность региона имеет свои пределы: регион поглощается целым – страной, миром, ойкуменой, биосферой (макрокосмом) и распадается на целое – человеческие индивидуумы и территориальные компоненты (микрососм). Но и эти полюсы не будут самодостаточными, они будут иметь свою внутреннюю структуру.

4. В качестве типологизирующих критериев региона также могут выступать: особенности его культурной динамики, специфика смыслонаполненности пространства региона – его семиосфера, характеристики сложившегося регионального социума.

Динамика культурного процесса регионов определяется с учетом следующих закономерностей: во-первых, историческое движение в культуре имеет векторную направленность от одного состояния к другому вне зависимости от того, насколько «неподвижными» представляются исследователями некоторые культуры прошлого и настоящего; во-вторых, в культуре наличествуют не только непрерывные линии преемственности, но и дискретные процессы различной направленности, обеспечивающие нелинейность, многомерность динамики культуры.

Регион как фрагмент семиосферы представляет собой результат параллельно идущих процессов семантизации и десемантизации; сакрализации и десакрализации. При этом возникающие миры знаков и знаковых систем (природных и социальных) каждого конкретного региона бесконечно разнообразны.

Регион является также особой формой организации социума – регионального сообщества, характеризующегося как общими чертами и закономерностями организации (регламентированными государственной политикой в сфере управления), так и специфическими особенностями, обусловленными историческими и культурными традициями той или иной местности. Единство регионального социума при этом обеспечивается схожестью установок входящих в него индивидов и социальных групп, регулируемых социальными и морально-правовыми нормами поведения.

5. Российскую колонизацию можно рассматривать как фактор регионализации русской культуры. Социокультурная оценка колонизации – это не столько *приращение имперской территории*, сколько создание совершенно новых региональных «миров» и перспективных геополитических проектов. Механизм цивилизационного «синтеза» в России обеспечил особую целостность ее как государственного и социокультурного образования. Нигде более не наблюдалось в истории столь продуктивной кооперации и взаимной адаптации разных культурных начал: христианско- и католически-европейского, тюркско-мусульманского, конфуцианско-буддистского. В свою очередь региональная поливариантность обеспечивала длительную устойчивость российского державного образования.

6. Регион как часть социокультурной системы России обладает рядом специфических признаков, а именно: он объективен (это всегда часть реальности, а не мысленная конструкция, и процессы регионообразования идут по синергичным принципам самоорганизации); имеет высокую степень устойчивости и стабильности (хотя внешние формы освоения его территории могут быть различными); имеет свою конфигурацию и свое качество в социокультурной системе; сложную систему отношений в рамках социокультурного пространства; культурогенез каждого из регионов осуществляется в контексте эволюции всего социокультурного образования и, как правило, соответствует текущим особенностям данной социокультурной системы.

7. Идентификационными признаками региона являются региональное самосознание и региональная культура.

Феномен регионального самосознания показывает укорененность существующих регионов в сознании современного поколения русских. Эти регионы не только исторически сложились и стали неформальными целостностями, но и воспринимаются в качестве таковых населением, причем с точки зрения населения «объективность» регионов существенно выше, чем это может быть показано на историко-географическом материале.

Формирование региональной идентичности имеет большое значение для укоренения в России федерализма, при этом играя роль двойного противовеса: с одной стороны – административному федерализму, с другой – сугубо этнической идентичности, разъедающей федерацию. Его динамика развития свидетельствует о способности российских социальных структур к саморегуляции и воспроизводству в рамках гражданского общества.

8. Региональная культура является особой формой самосознания региона, локализуя, концентрируя и выпукло репрезентируя его самобытность и уникальную специфику. Это системное, полисферное и многоуровневое образование, имеющее тесные генетические связи с национальной культурой, несущее в себе как ее общие черты и закономерности развития (открытость и динамически развивающуюся целостность), так и собственные уникальные особенности. Региональная культура характеризуется устойчивой межпоколенной совокупностью людей, обладающих стабильными особенностями культурных черт и

осознанием своего отличия от всех других подобных образований. Проблема взаимодействия универсального и локального в региональной культуре является ее закономерностью, что подтверждается историей развития регионов, демонстрирующей доминирование в разные периоды тенденций универсализма или партикуляризма.

9. Природно-ландшафтные условия определили разнообразие историко-культурных особенностей Южноуральского региона. В отличие от Большого Урала, культуру которого можно определить как монокультуру (горнозаводская), здесь, в силу разнообразия ландшафта (горы и степь), региональная культура – гетерогенна: наряду с рабочей ярким явлением стала казачья субкультура. При этом сохраняющаяся привязанность как рабочего, так и казака к земле, наличие подсобного хозяйства определили неразрывную связь с хозяйственными традициями крестьянского труда. Кроме того, этнокультурная «пестрота» региона обусловила значительное влияние иноэтничных элементов на структуру и типологические черты складывающейся региональной культуры.

10. Колонизационные процессы на Южном Урале имели следующие особенности: с одной стороны, как на всей территории Урала, они были связаны с развитием горного дела и металлургической промышленности; с другой – освоение южных районов диктовалось стратегическими задачами укрепления обороноспособности страны, созданием оборонительных линий на государственной границе с народами Дикой степи. Особенности колонизации Южного Урала привели к тому, что традиционная великорусская культура в условиях региона претерпела изменения под воздействием как внутренних (межэтническое взаимодействие русских), так и внешних (влияние народов финно-угорской и тюркской групп) процессов этнической аккультурации. Подтверждение тому мы находим в культуре повседневности населения региона.

11. Региональная идентичность жителя Южного Урала тесно связана с осознанием общенациональной идентичности. Урал изначально осознавал себя неотделимой частью России, центральной несущей составляющей, а определяющим концептом региональной идентичности уральцев, мыслимой как особая культурная миссия, является миссия служения России.

Индикатором, центрирующим социокультурные особенности населения Южноуральского региона, маркером уральской идентичности является «уральский характер». Он выступает генетически и культурно-исторически выработанным феноменом, закрепленным поколениями людей в условиях специфической среды. Социокультурная практика Южного Урала отражает персонализирующее начало его региональной культуры, выявляет целый спектр «культурных героев», продуцирующихся ею.

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что результаты исследования обогащают и расширяют понимание и представление о сущностных смыслах региона как субкультурного локуса, его понятийном статусе, структуре, функциях, механизмах формирования, соотношении природного, социального и культурного в процессе его становления и развития. Предложен целостный конструкт социокультурной модели Российского государства через ее региональные составляющие, региональную структуру и содержание.

Практическая значимость исследования: реализуется через формирование культурологической компетентности, культурной идентичности и историко-культурной памяти современного поколения путем внедрения результатов исследования в содержание учебных курсов (по проблемам культурной регионалистики, основам региональной культуры и др.), а также в содержание программ культурной политики регионов России. Кроме того, материалы исследования могут быть использованы при создании научно-методических пособий, серий программ просветительского характера в социально-культурной деятельности.

Апробация результатов исследования.

Основные положения исследования были опубликованы в 31-й работе, в том числе 1 монографии и 30 статьях (в том числе 10 статей в журналах, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ). С изложением основных результатов исследования автор выступила на 6-ти международных и 10-ти всероссийских научно-практических конференциях (Санкт-Петербург, Киров, Екатеринбург, Пермь, Оренбург, Челябинск), в том числе на Российском культурологическом конгрессе (Санкт-Петербург, 2007, 2009); на XI международном конгрессе «Мир русского слова и русское слово в мире» (Варна, 2007); на меж-

дународной научной конференции «Повседневность как текст культуры» (Киров, 2005); на XX международной научно-практической конференции «Россия и регионы: Социальные ориентиры политического и экономического развития» (Челябинск, 2003) и др. Материалы исследования получили внедрение в содержание учебных курсов «Основы региональной культуры», «Регионоведение», «Культура Урала», «Межкультурная коммуникация», «Этнология», читаемых в Челябинской государственной академии культуры и искусств, а так же в Челябинском государственном педагогическом университете. Эмпирический материал исследования был использован в серии выпусков общественно-публицистической программы «Губерния» на Челябинском областном телевидении в 2007 г. Диссертация прошла обсуждение и была рекомендована к защите на заседании кафедры культурологии и антропологии Московского государственного университета культуры и искусств 28 января 2009 г. (Протокол № 6).

Структура диссертации. Структура диссертации соответствует общей логике исследования и состоит из введения, трех глав, заключения и списка литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность темы исследования, рассматривается степень разработанности проблемы, формулируются цели и задачи исследования, раскрываются основные положения и результаты исследования, определяющие его новизну и выносимые на защиту, выявляется практическая значимость работы, описывается апробация полученных результатов.

Первая глава **«Морфология теоретико-методологических подходов к исследованию региона в современных социальных и гуманитарных науках»** содержит изложение исходных теоретико-методологических позиций заявленного диссертационного исследования.

В первом параграфе **«Регион как ландшафтно-пространственный локус»** диссертантом обосновывается геоприродное начало в исследовании этого феномена и кратко исследуются научные традиции географического и культурного детерминизма, рас-

сма­три­ва­ю­щие ре­ги­он как гео­физическое и социокультурное пространство; как геокультурный ландшафт; как таксон теории культурного райони­ро­ва­ния – социокультурный район.

Регион как пространство. Резюмируется, что подход к региону в рамках географических наук предполагает его изучение как пространства. Автором отмечается, что осмысление категории «пространство» и введение ее в научный дискурс берет свое начало с XIX в., когда сложилось два подхода к интерпретации пространства: *субстанциональный* (как вмещилище объектов), восходящий к И. Ньютону и его античным предшественникам, и *реляционный* (как мир этих объектов, отношения между ними), соответствующий традиции, заложенной Г. Лейбницем. Позднее на формирование «пространственной» традиции большое влияние оказали идеи И. Канта, К. Риттера, А. Геттера, которые легли в основу *хорологической* концепции как методологической основы географии. Данная концепция в XX в. претерпела грандиозную трансформацию. Произошла гуманитаризация географических знаний, интерес вызвали социальная и антропокультурная стороны проблематики.

Выявлено, что в современных трактовках о значении региона как совокупности земного пространства и культуры исследователями условно выделяется несколько теоретических оснований: метафизический, сциентистский, феноменологический и перцепционный подходы.

Диссертантом отмечено, что регион как *социокультурное пространство* детерминирован не столько географическими факторами, сколько многообразием творческого освоения людьми конкретной природной среды. Ведущая роль в его становлении принадлежит индивидуальным способностям тех людей, которые доминируют в определенном социуме. Автор констатирует, что регион как социокультурное пространство является многослойным, таковым его делает многогранность культуры. Как «очеловеченное» и/или социокультурное пространство регион обладает признаками: целостности, устойчивости, локализованности, многомерности, исторической обусловленности, динамичности, изменчивости, подвижности, протяженности, структурности, информативности, поликультурности, смысловой наполненности, наличием «памяти», антропоформности и антропо-

центричности, непрерывности, открытости-закрытости, дискретности, способности влиять на формирование человека, личности и т. д.

Регион как культурный ландшафт. Автор подчеркивает, что частую понятие «геокультурного пространства» сливается с понятием «культурный ландшафт». Однако существуют два принципиальных расхождения в осмыслении этих понятий: во-первых, культурный ландшафт включает два основных слоя – природный и культурный, а в концепции геокультурного пространства природный ландшафт выступает только как основа для формирования геокультурных систем (отношения между элементами которых опосредованы территорией); во-вторых, если отправной точкой для изучения истории формирования геокультурного пространства является понимание его *современной* территориальной структуры, то культурный ландшафт включает множество исторических пластов, равных по своему значению, и в этом смысле пласту современной культуры уделяется не больше внимания, чем всем остальным.

Выявлено, что среди важнейших свойств культурного ландшафта как суперместа и совокупности мест исследователи определяют централизованность, иерархичность, полимасштабность, анизотропность.

Регион как район. Отмечено, что парадигма дореволюционного районирования носила функциональный характер – удобный с точки зрения управления. Важно отметить, что главная цель дореволюционного районирования была не делить территорию России на замкнутые части по какому-либо одному признаку, а характеризовать их в совокупности и цельности. Поворот в культурном районировании второй половины XX в. оказался связан с переосмыслением исходных понятий *район – регион*, отказом от районной парадигмы изучения России в пользу региональной. Экономико-географическая традиция встала на гуманитарный уровень осмысления региональных проблем, отошла от механистических образцов.

В современной науке предложено несколько концепций культурного районирования территорий, характеризующихся своими собственными объектами, признаками, приемами районирования и иерархиями районов (Г. С. Герд, А. С. Лебедев, Р. Ф. Туровский, Л. В. Смирнягин, И. М. Бусыгина, В. Н. Стрелецкий и др.). По мнению специалистов, свести их в единую (интегральную) систему культурно-

го районирования крайне сложно по причине многослойности геокультурного пространства и многогранности феномена культуры.

Сходство *региона-района* заключается в том, что и тот, и другой – это всегда территория, пространственная единица, всегда – составляющее природного ландшафта. Автор понимает разницу между *районом* и *регионом* как разницу между *административно-территориальным* и *социокультурным* образованиями. Таким образом, «регион» преодолевает уплощение содержания «района». Понятие «регион» может не совпадать с административно-территориальными границами, быть шире или уже их пределов, хотя опосредованные связи региона с определенной территорией, «месторазвитием», всегда существуют.

Во втором параграфе **«Регион как репрезентант историко- и культурогенеза»** отмечено, что новая мировоззренческая ориентация рассматривает регион как социально выраженное пространство духовно-культурной интеграции, имеющее свои историко-генетические корни. Можно утверждать, что регион – это форма исторических и культурогенетических процессов. В контексте историко-культурного знания автором анализируются ряд оригинальных концепций.

Регион как «месторазвитие». Отмечено, что термин «месторазвитие» был введен в научный оборот одним из идеологов евразийства П. Н. Савицким. Сущность его теории состояла в том, что связи культуры, истории и географии носят не причинный, а органический характер, который может быть выражен понятием конвергенность – «сообращенность». Такой подход был определен как *геософия* – «синтез географических и исторических начал». Можно говорить о том, что геософия предвосхитила многие принципы современного системно-синергетического подхода, обращаясь к проблемам сложноорганизованных систем, процессам нелинейного роста и т. д. Соединение географии с историей философии подразумевало наложение на сетку географических признаков исторических черт, черт духовно-психического склада, отличий государственного строя, особенностей хозяйственного быта с целью выявления «параллелизмов» в сетке географических различий. Эту задачу П. Н. Савицкий применял исключительно к России – Евразии, но при этом оговаривал, что она приложима и к другим странам.

Регион как культурный ареал. Выявлено, что «культурный ареал» как теоретический конструкт был предложен американским этнологом О. Мэйзоном в конце XIX в. С точки зрения выдающегося антрополога А. Кребера культуры «укоренены в природе» и не могут поняты иначе, как «в соотношении с тем клочком земли, на котором проявляются», что, впрочем, не означает абсолютизации значимости географически-природного фактора. Для разграничения культурных ареалов А. Кребер ввел понятие «фокусного центра», под которым понималось место, где модель культуры региона проявлялась наиболее отчетливо. При этом сам термин «культурный ареал» А. Кребер не считал удачным и расшифровывал его как «регионально индивидуализированный тип». В настоящее время теория «культурных ареалов» широко используется для проведения исследований пространственного распространения явлений культуры, определения культурных взаимосвязей, установления центров возникновения, путей распространения и временных рамок отдельных культур. Региональный фактор в таком случае представляется проявлением специфических особенностей нормативных, регулятивных и креативных процессов того или иного общества в пределах определенной территории.

Регион как историко-краеведческая форма. Региональный фактор постижения России как социокультурного феномена актуализировался в 90-е гг. XX в. через историко-краеведческое наследие. Это был новый уровень осмысления опорных идей исследования местной истории. В недрах «обновленного» краеведения выработалась новая методологическая парадигма осмысления России как единой большой «провинциальной протяженности».

«Край» стал главным понятием краеведения. Он мыслился не столько как административно-территориальное образование, сколько как расширяющийся ландшафт, индивидуальный комплекс природных и культурных свойств, черт и соединений как «индивидуальность», имеющая свой «генетический код». В разработанных на местном материале методах, которые отчасти были заимствованы из истории, этнографии, литературоведения и др. наук, главным было персонализирующее начало, лежавшее в основе создания краевой биографии, особых культурно-исторических типов.

Автором отмечено, что опыт исторического краеведения привнес

в понимание сущности «региона» следующее: во-первых, дихотомию четко обозначившихся стилей регионального мышления: целокупного, цельного и «корпускулярного», «дробящего». С одной стороны, очевидна их оппозиционность, с другой – взаимообусловленность. Местная специфика учитывается в ее нераздельной слитности с общероссийским началом. Во-вторых, историческое краеведение обогатило методологию изучения *края / области / региона* как полифоничного, полисферичного образования, сопрягая его изучение с методами иных наук. Появился метод «региональной компаративистики». В-третьих, принципы исторического краеведения с «неспешным» описанием «рядовой» жизни провинции оказались наиболее близки к сменявшимся приоритетам в исторической методологии. В частности, принципам школы «Анналов» (Л. Февр, М. Блок, Т. Моммзен, Ф. Бродель и др.), призывавшей к созданию широкой исторической панорамы «бессобытийной» истории, выявлению устойчивых «структур повседневности». В-четвертых, в разработанных на конкретном местном материале методах исторического краеведения определяющим было персонализирующее начало.

Регион в контексте концепции «областничества» и теории «культурных гнезд». Региональные аспекты сложносоставного образования – России точнее всего прочитываются через ключевой концепт исторического краеведения – «культурное гнездо», т. к. в историческом контексте они имеют ряд сменяющих друг друга или параллельно существующих культурных центров, определявших направления культурно-исторического движения, внутреннюю неоднородность региона.

В теории «культурных гнезд» (Н. К. Пиксанов, Н. П. Анциферов, И. М. Гревс) сразу выделилось две точки зрения на описание областных историй, диалектически дополняющих друг друга: первая заостряла связь провинции с метрополией, когда местные особенности выступали как «нюансы», подтверждающие общие закономерности; вторая предполагала выяснение локальной специфики края. Структурными элементами «культурного гнезда» выступают: человек, как его создатель, хранитель, питомец, «культурный герой» и т. д.; историко-культурный ландшафт и связанная с ним проблема «города» как выс-

шего проявления культурной деятельности человека; а также все культурные «явления и движения» в провинции.

Регион как воплощение «духа места». Одним из продуктивных вариантов концепций «месторазвития», «культурных ареалов», «культурного гнезда» является понятие «дух места».

«Дух места» – это коллективный продукт. Чем выше духовный потенциал людей, тем выше духовная наполненность места. Вбирая в себя характерные особенности духовного состояния жителей места, индивидуальностей, «дух места» эволюционирует. Эволюционируют и индивидуальности, взаимодействующие с ним. Влияют на эволюцию «духа места» не только люди, но и яркие события, несущие высокую духовную нагрузку. Чем ярче и духовнее индивидуальности, тем сильнее проявляется «дух места». Однако «дух места» открыт и воплощен не в каждом уроженце тех или иных мест, он ищет своего носителя и почитателя. При этом в разных культурных традициях существуют священные места, чей особый дух сыграл существенную роль в образовании не только регионального, но и национального самосознания.

Регион как историко-культурная зона. Отмечено, что в качестве спецификации понятия «регион» в культурно-историческом аспекте петербургскими учеными А. С. Гердом и Г. С. Лебедевым было предложено понятие «историко-культурная зона» (ИКЗ). Концепция «историко-культурных зон» привнесла в осмысление концепта «регион» следующее: в качестве алгоритма регионального исследования выдвигаются принципиально новые понятия – «историко-культурная зона» и «топохрон»; в соответствии с указанными операциональными понятиями авторами сформулирована матрица регионообразующих факторов; авторами было фундировано новое направление в исторической науке – регионалистика, объектом исследования которой выступают регионы («историко-культурные зоны»), сформированные деятельностью населения в процессе демогенеза.

Региональная парадигма прочно утверждается в историко-культурологических исследованиях.

Культурогенетическая тематика и исследование региона. Выявлено, что теория культурогенеза привнесла следующее в понимание сущности «региона»:

Во-первых, поскольку культурогенез – это один из видов культурной динамики, представляющий собой процесс культуротворческой деятельности субъектов любого таксономического уровня общественной организации, в том числе регионального сообщества, то культурогенетический подход – один из человекомерных подходов к изучению региона.

Во-вторых, сложносоставность культурогенеза (морфогенез, этногенез, социогенез, формогенез) можно проследить в любом формате, в том числе в формате регионального сообщества.

В-третьих, категория творчества, имманентно сочетающая как инновационные импульсы, так и культурные традиции, при этом становится центральной.

Автор резюмирует, что анализ историо- и культурогенетических теорий показывает следующее: преодолено долгое время существовавшее в науке представление о единстве исторического процесса, исключавшее рассмотрение регионализации в качестве глобального явления. Современные тенденции историософской мысли ведут к диалектическому единству двух противоположных подходов, благодаря чему родилось представление, что исторический процесс един и не един одновременно за счет существования в нем разных уровней – макро- и микроистории. Вполне очевидно, что история больших государств, исторические процессы, протекающие на целых материках и во всем мире, составляют макроуровень, тогда как человек в его неповторимой индивидуальности – это микроуровень. Регион же занимает промежуточное между этими уровнями положение. Проблема взаимоотношений между этими уровнями рождает одну из интереснейших интриг современной методологии, поскольку именно в регионе происходит превращение большого в малое и наоборот. Историческое регионоведение, в известной степени снимая дихотомию макро- и микромиров, призвано сделать историю более сбалансированной и гармоничной.

В третьем параграфе **«Регион как фрагмент семиосферы»** подчеркивается, что каждый регион может быть интерпретирован как смыслонаполненное и смыслообразующее пространство; как текст; как фрагмент семиосферы, экстраполирующий ее сущностные характеристики.

Применительно к локус-территории, интерпретируемой как текст, в рамках географического подхода получила новое звучание теория *палимпсеста*. Модель «место как палимпсест» позволяет представлять регион как ряд сосуществующих географических пластов-контекстов, накладывающихся друг на друга. При этом каждый из этих контекстов ориентируется на свою доминанту и в определенных условиях может закрывать собой все другие.

Концепция палимпсеста перекликается с идеей о существовании *локальных текстов культуры*, к каковым можно отнести регион. Изучение локальных текстов русской культуры стало быстро развивающимся направлением культурологии.

С пониманием региона как смыслообразующего пространства корреспондируются идеи «образа места». Образ места включает в себя визуальные и эстетические характеристики места, его эмоциональное воздействие, его символику. Образ места необычайно значим как явление, как неповторимый узор смыслов, имеющих свои координаты в географическом пространстве, создает в конечном итоге структуру культурного ландшафта страны.

Автор делает вывод, что рассмотрение региона как фрагмента семиосферы и локального текста и «вторжение» семиотических элементов в аналитическое мышление приводит к обогащению «метафизических» конструкторов региона.

В параграфе **«Регион как форма организации социума»** отмечено, что для регионального сообщества характерны черты социума в целом – такие как всеобъемлющий характер согласования и регламентации тех или иных форм человеческой жизнедеятельности, касающихся наиболее важных сторон человеческого существования; членство в социуме объективно, но в региональном социуме возможна ротация его членов в силу миграционных и иных процессов; члены социума, в том числе и регионального, оказываются психологически «своими» друг для друга. Граница регионального социума – это основная граница «своего» и «другого» для населения региона.

Регион как форма организации социума отличается следующими характеристиками: внутренним разнообразием, что является условием устойчивости социума; инерционностью структуры регионального социума, которая меняется достаточно быстро лишь при кризисах ка-

гастрофического масштаба; сбалансированностью социума, от степени которой зависят оптимальные условия для человека.

Понятие регионального социума передает совокупность субъектов социокультурной структуры региона, указывая на порожденное принадлежностью к одному географическому региону сходство интересов или иных социальных признаков – менталитета, образа жизни, культуры и т. д.

В параграфе **«Регион как самоорганизующаяся система»** обосновывается, что ограничение одностороннего понимания сущности региона преодолевается в рамках системного подхода, когда регион рассматривается в качестве системы открытого типа, объединяющей его естественно-природную и социокультурную сущность. Регион как социокультурная система отличается от естественно-природной рядом особенностей: наличием фактора самореференции – самоосознания, самоописания и самоосмысления; наличием субъекта – человека; культурным порядком (или беспорядком), которые на фоне физической и биологической форм развития отличаются смыслом, пониманием и оценкой природного и социального окружения; а также синергичностью процессов самоорганизации. Самоорганизация региона объясняется в понятиях гомеостаза (динамического равновесия), автопозиса (сохраняющаяся качественная сущность) и самореференции (отграниченности системы от внешнего мира).

Одновременно регион является *подсистемой* более сложного образования – государства (страны), мирового сообщества. Он не может существовать самостоятельно, без поддержки общесистемных связей, т. к. региональные процессы метаболизма (обмена), самопозиса и самореференции недостаточно отработаны для воспроизводства собственного развития на уровне современных требований.

В параграфе **«Системообразующие факторы региона как социокультурного локуса»** утверждается, что известные концепции системообразующих факторов социокультурных регионов имеют как схожие черты, так и различия, диктуемые задачами исследования. Учитывая их немногочисленность, определенное новаторство, а также для облегчения дальнейших научных изысканий по проблемам культурной регионалистики автор останавливается на них подробно, анализируя сходство и различия концепций регионообразующих факторов В.

В. Алексеева, А. С. Герда и Г. С. Лебедева, В. Л. Беловой, И. Я. Мурзиной, В. С. Цукермана. Самим диссертантом в 2001 году была сформулирована концепция факторов формирования региональной культуры в соответствии с заявленным подходом рассмотрения подсистем бытия человека (природы, общества и культуры) во взаимосвязи друг с другом (природно-ландшафтные, социально-исторические и общекультурные факторы).

Обобщая перечисленное, автор замечает, что данные концепции вооружают исследовательским инструментарием системное изучение любой региональной культуры в зависимости от его специфики и задач: общегуманитарных, культурологических, социологических и т. д.

В главе второй **«Социокультурный регион в статике и динамике»** в параграфе первом **«Колонизация как фактор регионализации русской культуры»** анализируются процессы колонизации в диалектике взаимодействия центростремительных и центробежных тенденций, централизованного и децентрализованного / локалистского / регионального начала.

Отмечено, что колонизация России была процессом включения новых земель / регионов в *имперскую* сферу. Культурная динамика регионов России как периферийных территориальных общностей в силу их специфики стала представлять собой *разные варианты* протекания имперских процессов. Каждый регион представлял какую-то «иную» Россию. В этом смысле следует говорить о «многих Россиях»: собственно России (Центральной), «России Урала», «России Сибири», «России Дальнего Востока» и т. д.

Утверждается, что процессы культурной динамики регионов имели несколько слоев: зачастую регион, имея свою историческую пространственно-временную протяженность, распадался на новые регионы. При этом возникающие в России конфигурации ее региональной структуры не исчезали в историческом процессе, а наслаивались в многослойный массив и откладывались в ее исторической памяти.

Приращения государства регионами имели «несущие основы» в форме ядра или были линейными, обусловленными торговыми путями как средствами коммуникации. Маршруты колонизации можно рассматривать в качестве своеобразных «силовых линий», коммуникаций освоения (маршрутно-каркасных или фронтирных), во многом опре-

деляющих культурную динамику и специфику того или иного региона.

Диссертант утверждает, что отличительной особенностью российской колонизации как ресурса регионализации России явилось следующее: во-первых, процесс колонизации России был значительно растянут во времени, это не создавало колоний западноевропейского типа, а расширяло целостный континентальный массив государственной территории. Н. Я. Данилевский утверждал, что направляющиеся из центра страны колонизационные потоки, как правило, «образуют не новые центры русской жизни, а только расширяют единый нераздельный круг ее».² Во-вторых, включение регионов в унитарную систему России происходило с прагматическим учетом особенностей вхождения, культурных и политических различий присоединяемых земель. В советскую эпоху этот принцип был нарушен, что сделало неизбежными события «имперского» развала и последующего «парада суверенитетов» 1980-90-х гг. В-третьих, русские переселенцы, будучи оторванными от привычной социокультурной среды, обостренно ощущали свою *русскость*. При этом само понятие «русскости» включало в себя клубок разнородностей. Русский субэтнос духовно скрепил Российскую империю, являясь живым и убежденным проводником общей веры в целостность и неделимость своего отечества. В-четвертых, культурная динамика регионов была тесно связана с процессами модернизации и экономической специализации регионов России. При этом сразу выявилась неравномерность в динамике различных регионов, в том числе и культурной. В-пятых, зародившаяся геополитическая структура России стала цивилизационным приобретением человечества. Россия посредством многообразного регионального каркаса выстраивала в единое коммуникативное межкультурное поле альтернативные варианты «евразийства»: российского, тюркского и конфуцианско-буддистского. Российское социокультурное пространство обеспечило связь двух мировых «центров роста» – Атлантики и Тихого океана, двух культурных моделей – Запада и Востока.

² Данилевский, Н. Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому / Н. Я. Данилевский. – М., 1991. – С. 486.

Геокультурные поля ее разнородных регионов смягчали эти переходы, облегчали межкультурный диалог, улучшали культурный обмен, снимали конфликтные аспекты.

Таким образом, особая роль колонизации как фактора культурно-регионализма в России исторически и географически закономерна.

В параграфе втором **«Россия регионов»: современная модель социокультурной системы»** автор концептуализирует модель социокультурной системы России как «мир-империи» регионов. В качестве основания подобного моделирования обозначено: понимание социокультурной системы как типа социокультурного образования, доминирующего в социокультурной эволюции; характеризующегося большими размерами территорий и значимой численностью своего населения; имеющего оригинальные стандарты организации пространства, общества и государства и обладающего многими уникальными свойствами, отличающими его от других социально-культурных образований. При этом любая модель социокультурной системы – условна.

Диссертант предлагает авторскую модель социокультурной системы России, включающую восемь макрорегионов: Центральную Россию, Северо-Запад, Русский Север, Поволжье, Урал, Сибирь, Дальний Восток, Юг России. Ряд исследователей обозначают их как «цивилизации» («уральская», «сибирская», «дальневосточная», «северокавказская» и т. д.), другие – как «субцивилизации» единой российской цивилизации; третьи отмечают особые «геополя», которые создаются этими регионами и т. д.

В качестве критериев подобного районирования диссертантом выбираются геокультурные константы и историко-культурная специфика. Далее автором дается развернутая характеристика указанных субрегионов в соответствии с избранными критериями.

В аналитических оценках специалистов ближайшее будущее России как социокультурной системы определяется неоднозначно, с широким спектром полярных аксиологических и содержательных определений, различными доктринами в отношении геополитики государства.

В параграфе **«Региональная идентичность как феномен социально-культурного бытия регионального локуса»** утверждается, что в научных изысканиях нет единства в вопросах признания регио-

нальных идентичностей русских, в связи с этим существует множество парадоксов.

При культурологическом подходе к анализу этого вопроса становится очевидным, что появление нового типа личности, детерминированного особенностями природно-ландшафтного, историко-социального, производственно-хозяйственного, социокультурного развития конкретной территории, является одним из определяющих условий и результатов формирования региональной культуры. Современное научное знание признает существование особых «уральской», «сибирской», «дальневосточной», «южнорусской» и т. д. идентичностей. Региональная идентичность – это сложный конструкт, длительность вызревания которого измеряется поколениями. Процесс конструирования региональной идентичности имеет сложную природу: выбор «мы – они» происходит одновременно на нескольких уровнях. Объектами для сопоставления становятся другие регионы, Центр, Россия в целом, другие страны, реальное и/или воображаемое прошлое, настоящее и будущее самого региона.

По мнению диссертанта, формирование региональной идентичности можно рассматривать как проявление принципа эмерджентности (возникновение нового качества в синтезе элементов, каждый из которых подобного не имел).

Отмечено, что культурологический подход к изучению региональной идентичности имеет свою методологическую «вертикаль» и «горизонталь». Вертикальное направление – это изучение региональной идентичности в сложносоставной пирамидальной системе социальной идентичности (наряду с национальной, этнической, территориальной, локальной и т. д.), а также ее собственной иерархизированной структуры. Горизонтальное направление – это проблема культурной дифференциации регионов в составе единого государства, проблема границ региональных различий. Культурологические исследования подтверждают, что культурные контрасты между регионами весьма существенны, в том числе и между соседними. В то же время внутри регионов наблюдается относительная культурная однородность.

В структуре региональной идентичности автором выделяются три взаимосвязанных компонента: региональное самосознание, региональные ценности (региональный *этнос*) и региональная ментальность.

Сущностные характеристики региональной идентичности реализуются через ряд функций, среди которых можно выделить: консолидирующую, инструментальную, регулятивную, мотивационную, психологическую, информационную и др.

В параграфе «**Региональная культура как форма самосознания региона**» отмечено, что понятие «региональная культура» генетически связано с понятиями «национальная», «этническая», «провинциальная», «локальная» культуры, частично коррелирует с ними, но эти понятия не являются взаимозаменяемым. Далее автор обозначает разницу в сущности перечисленных понятий.

В структурном отношении региональная культура сложна и многоосновна. В качестве оснований в ней могут быть выделены уровни родовой структуры (материальная, духовная, художественная; народная и профессиональная культура; традиционная и инновационная и др.); субкультуры по различным критериям (сословным, профессиональным, этническим, национальным, религиозным и др.); сферы утилитарно-практической деятельности; совокупность институциональных и неинституциональных форм создания, хранения и распространения культурных ценностей; уровни потребления культурного сервиса и восприятия искусства и др.

В функциональном отношении региональная культура призвана кодировать, хранить и транслировать локальный человеческий опыт во всех сферах деятельности населения регионального сообщества, обеспечивать воспроизводство культурной жизни региона, непрерывность регионального культурного процесса, а также полноту индивидуального опыта.

Общее в региональных культурах (как проявление *общероссийского*) определяется едиными конституционными и законодательными основами, регламентирующими социокультурные процессы, государственным языком, неким *единством* образовательной системы, задаваемой государственными стандартами общего и профессионального образования. Общими являются архетипы, заложенные в российский менталитет и определяющие специфику национального характера. Как общероссийский компонент входят в любую региональную культуру технологии материальной культуры, умонастроения, социальные ожи-

дания, политические предпочтения духовной культуры; стилистические принципы художественной культуры и т. д.

Современные региональные культуры эклектичны – они представляют собой сложную мозаичную картину соседствующих, но не всегда взаимодействующих субкультур. Однако в большинстве российских регионов складывается особый, *комплементарный* тип культуры, который позволяет каждой субкультуре как неотъемлемой части целого развиваться самостоятельно. В этом случае региональная культура выступает *консолидирующим* фактором для регионального сообщества.

В современном мире практически не осталось культур, в которых над универсальным преобладает локальное и наоборот. Сегодня в любой культуре обнаруживаются обе позиции. Мировая динамика накладывает серьезный отпечаток на культурную самобытность локальных сообществ, но при этом не устраняет и не разрушает ее.

В главе третьей «Южноуральский субкультурный локус: генетические основы, базовые закономерности и константные характеристики» в параграфе первом «Региональный топос как конституирующее основание культуры Южного Урала» отмечено, что наличие горного массива, богатого рудой, углем и лесом, а также запасов воды (рек и озер) определило появление и развитие специализации края как важного горнорудного и металлургического центра. Пограничное положение региона на перекрестке переселенческих путей, на границах Азии и Европы, России и территорий кочевых племен обусловило развитие военного дела (создание военных поселений – казачьих станиц и крепостей), а также торговли.

Уральские горы явились осью мироздания, центром магического пространства, *скрепами* больших узловых регионов: Центрально-Поволжского и Сибирского. Это *стык* цивилизаций – аграрной и индустриальной. Это *узел частей света: Запада и Востока*. Парадокс семантики Уральского хребта заключается в том, что он одновременно выступает как *граница* (разграничитель) и *скреп* (соединитель), *периферия* и *центр*. Подобная связка никогда не несла в себе дилеммы («или – или»), это дихотомия, предполагающая двухчастное единство целого. Данная позиция определит специфическую черту уральской региональной культуры – ее пограничный характер, когда Южный

Урал становится тем экспериментальным полигоном, где создаются культурные модели, основанные на сплаве западно-восточных традиций. Пограничье географическое породило пограничье культурное.

Концентрическое восприятие пространства с сакральным центром – Горой – сохранялось в мировоззрении уральцев вплоть до XX в. Главной характеристикой региона является опора, т. е. центральное положение в жизни страны. Уральские *реки* становятся артериями, по которым двигаются с запада на восток и с севера на юг колонизаторы. Пространственная организация уральских поселений объяснялась тем, что горнорудное и металлургическое производство было немыслимо без огромных запасов воды. *Степь* являлась местом обширнейших интенсивных контактов со времен Великого переселения народов и обуславливала небывалую этническую пестроту региона. Степь способствовала укорененности в уральском хронотопе кочевого образа жизни (отчасти благодаря естественным процессам этногенеза кочевых и оседлых народов Южного Урала; а отчасти – из-за трагических событий политической истории нашей страны, насильственного «кочевья» XX в.). Бескрайность степи потребовала жесткой организации пограничных рубежей региона, формирования определенной этнословной категории местного населения – казачества.

В параграфе «**Цивилизационное движение за “Камень” и его культурные итоги**» говорится о том, что Южный Урал с его степями и лесостепями стал обширнейшим регионом интенсивных контактов и постоянного взаимовлияния финно-угорской, индоевропейской и тюркской этнокультурных и языковых общностей. Объединенные одной территорией, эти этносы выработали в своем самосознании представления о «родной земле», эмоциональное восприятие «родной природы», которые имели точки сопряженности, хотя и не всегда идентичные, у различных этнических групп. Разнообразные элементы этнических культур несли на себе печать природно-географических условий Южного Урала и способствовали формированию собирательно-го образа его жителя – уральца.

Миграционные процессы на Южном Урале имели следующие особенности: наряду с развитием горного дела и металлургической промышленности освоение южных районов диктовалось стратегическими задачами укрепления обороноспособности страны и формиро-

вания ее границ с Дикой степью. Миграция носила чаще всего «квантовый» характер, т. е. не была непрерывной во времени и сплошной с точки зрения географии. Это определило «гнездовое» расположение заводов, а следовательно, и «гнездовой» характер материальной и духовной культур жителей заводских поселков, сохраняющих традиции той местности, выходцами из которой они были.

Переселенческое движение на Южный Урал привело к тому, что уже к исходу XVIII в. здесь сконцентрировалось довольно многочисленное русское население, неравномерно разбросанное по обширной территории края: так, например, к концу XIX – началу XX вв. в Пермской губернии доля русских составляла 9/10, а в Уфимской губернии – 1/3 всего населения.

В параграфе «**Структуры повседневности**» Южного Урала» обосновывается, что специфику южноуральской культуры повседневности определила специализация края как «рудника» и «завода» Государства Российского. Из множества факторов, наличествующих в региональной культуре, автор выделяет два, сыгравших, на его взгляд, системообразующую роль в ее формировании. Во-первых, как и на всем Урале, в его южной части ощущалось решающее влияние горнозаводской промышленности на традиционную культуру. Однако, в отличие от других территорий Большого Урала, на юге, помимо доминирования черт *рабочей* субкультуры, в морфологической структуре культуры было значительным влияние *казацкой* субкультуры. Вместе с тем сохраняющаяся привязанность как рабочего, так и казака к земле, определила «гибридный» характер этих субкультур: неразрывную связь с хозяйственными традициями крестьянского труда. Во-вторых, традиционная великорусская культура в условиях региона претерпела изменения под воздействием как внутренних (межэтническое взаимодействие русских), так и внешних (влияние народов финно-угорской и тюркской групп) процессов этнической аккультурации. Примеры тому можно увидеть в костюме уральцев, предметах быта, соотношении праздничных календарей русских и башкир, одинаковых приемах организации и проведения праздников (гуляний, свадеб).

Представление о структурах повседневности южноуральского населения дается автором через анализ культурной специфики жилища,

одежды, пищи, особенности семейно-бытового уклада, системы ценностей и т. д.

Доказано, что традиции общенациональной русской культуры получили в местных условиях специфическое преломление; а также, что материальная культура южноуральцев в большей степени, чем духовная, сохраняла автономные этнические черты проживающих здесь народов.

В параграфе «Южноуральская модификация региональной идентичности» отмечается, что доминанты региональной ментальности «прорастают» через вековые пласты истории и культурных трансформаций и сохраняют свое значение и смысл в нормативно-ценностном пространстве современной культуры региона. Хронотоп жителей Южного Урала рассматривается через мифологическую, номадическую составляющие и как пространство «машинной рациональности». Для *мифологической* составляющей уральцев характерно циклическое восприятие движения, отношение ко времени как вечному возвращению, а к пространству – как к состоящему из концентрических кругов с *сакральным центром* – Горой. *Номадическое* восприятие пространства-времени – это некоторые неизжитые и вновь приобретенные элементы кочевого социального уклада, наложившие отпечаток на ход региональной истории. И, наконец, Южный Урал - это пространство-время «*машинной рациональности*». Уважение к научной картине мира, вера в возможности технического разума, как и раньше, находят здесь благодатную почву.

«Уральский характер» – это ценностно-поведенческий комплекс, ярко не выраженный, но определяющий в некоторой степени установки и поведение части уральского населения. Он выступает генетически и культурно-исторически выработанным феноменом, закрепленным поколениями людей в условиях специфической среды. «Уральцу» присущи: невозмутимое спокойствие и долготерпение в отношении тягот жизни, сдержанность, доходящая до суровости, выносливость, общинная взаимовыручка и взаимопомощь, «чувство локтя» и коллективизм, трудолюбие, религиозное «нестяжательство», особая приверженность старине и традициям, консервативность взглядов, характерная сметливость, решительность, способность к самостоятельным решениям, свободолюбие, готовность к трудовому подвигу,

патриотизм, «оборонное сознание», осмысление благополучия своей судьбы только в контексте благополучия Родины и т. д.

Южный Урал стал пространством, где время преобразило этнические константы, а сложившееся единое региональное сознание превратилось в консолидирующее начало жизни края, надежную основу взаимопонимания и равенства всех живущих здесь.

В параграфе **«Локусы “творцов” южноуральской культуры: опыт обобщения»** обозначено, что социокультурная практика Южного Урала обозначает целый спектр существующих в ней обобщенных образов «культурных героев», отвергая исчерпанность регионального типа южноуральца лишь образом рабочего. Условно среди «культурных героев» южноуральской провинции можно выделить следующие образы: *трудящийся* (уральский крестьянин и уральский рабочий), *служивый человек*, *воин* (помимо уральского казака, мы бы отнесли сюда и монахов периода колонизационного освоения края), *просветитель-практик*, *профессионал* (лучшие представители эпохи среди заводчиков, золотопромышленников, горные инженеры, технические кадры) и *торговые люди* (уральские купцы, мещане). Понятие «культурные герои» провинции относится к представителям местного общества, которые выступали как генераторы идей преобразования и реформ. Благодаря своим «культурным героям» Южный Урал заявляет о себе, становится тем истоком, который питает российский культурный мир.

В параграфе на значительном историко-эмпирическом материале дается обобщающий анализ каждого из обозначенных сословных представителей как субъектов регионального культуротворчества.

В **Заключении** изложены выводы, обобщающие основные положения исследования, намечены дальнейшие перспективы научных изысканий.

**Основные положения диссертации изложены
в следующих публикациях автора:**

Монография:

1. Казакова, Г. М. Культура Южного Урала: локальный вариант регионального измерения: монография / Г. М. Казакова. – СПб.: 2007. – 254 с.

Статьи в изданиях, рекомендованных ВАК Минобразования РФ:

2. Казакова, Г. М. Формирование культурно-исторического пространства Урала: теоретико-методологические подходы к изучению / Г. М. Казакова // Вестник Южно-Уральского гос. ун-та.– 2006. – 17 (72). Сер. «Социально-гуманитарные науки», вып. 7. – С. 229–232.

3. Казакова, Г. М. Колонизация как фактор регионализации русской культуры / Г. М. Казакова // Вестн. Челяб. гос. ун-та. Философия. Социология. Культурология. –2009. – № 11 (149).– Вып. 11. – С. 73–77.

4. Казакова, Г. М. Социокультурный регион как фрагмент семиосферы // Вестн. Челяб. гос. ун-та. Философия. Социология. Культурология. –2009. – № 2(18). – С. 56–60.

5. Казакова, Г. М. Культурные миссии регионов России (на примере Урала и Сибири) / Г. М. Казакова // Известия Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. – № 7 (21). – Ч. II: Общественные и гуманитарные науки: науч. журнал. – СПб., 2006. – С. 51–60.

6. Казакова, Г. М. Региональная культура: родо-видовые признаки и структурно-функциональные характеристики / Г. М. Казакова // Вopr. культурологии. – 2009. – № 5 – С. 12–15.

7. Казакова, Г. М. Региональная и провинциальная культуры: о сущностных характеристиках / Г. М. Казакова // Вестн. Москов. гос. ун-та культуры и искусств. – 2007. – № 3 (19) – С. 110–114.

8. Казакова, Г. М. Проблемы становления российской региональной идентичности в исторических реалиях и научном культурологическом знании / Г. М. Казакова // Вестн. Москов. гос. ун-та культуры и искусств. – 2009. – № 1 (28). – С. 34–40.

9. Казакова, Г. М. Российская региональная идентичность: современный культурологический дискурс / Г. М. Казакова // Вестн. Москов. гос. ун-та культуры и искусств. – 2008. – № 6 (27). – С. 16–20.

10. Казакова, Г. М. Культурные универсалии регионального менталитета / Г. М. Казакова // Вестн. Челяб. гос. ун-та. Философия. Социология. Культурология. – 2007. – № 4 (82) – С. 45–53.

11. Казакова, Г. М. «Культурные герои» Уральской провинции: опыт обобщения // Личность. Культура. Общество. – 2008. – Т. 10. – № 3–4 (42-43). – С. 318–325.

Статьи:

12. Казакова, Г. М. К вопросу о содержании понятия «регион»/ Г. М. Казакова // Россия и регионы: новая парадигма развития: мат. всерос. науч.-практ. конф. – Челябинск, 2002. – Ч. 1. – С. 94–100.

13. Казакова, Г. М. Регион как пространство геоландшафтное и социокультурное / Г. М. Казакова // Единое социокультурное пространство: теоретические и управленческо-технологические проблемы: мат. междунар. науч.-практ. конф. – Челябинск, 2009. – С. 29–33.

14. Казакова, Г. М. Сущность социокультурного региона в контексте системного подхода / Г. М. Казакова // Вестн. ЧГАКИ. – 2009. – № 2 (18). – 47–51.

15. Казакова, Г. М. Осмысление социокультурного региона в рамках теории культурно-ландшафтного районирования / Г. М. Казакова // Вестн. ЧГАКИ. – 2009. – № 3 (19). – С. 30– 35.

16. Казакова, Г. М. Региональная парадигма культурологических исследований / Г. М. Казакова // Россия и регионы: социальные ориентиры политического и экономического развития. Программа XX междунар. науч.-практ. конф. – Челябинск, 2003. – С.83– 86.

17. Казакова, Г. М. Регионализм как научный принцип гуманитарного знания: история становления и современные подходы / Г. М. Казакова // Вестн. Челяб. гос. академии культуры и искусств. – 2003, № 5. – С.60–66.

18. Казакова, Г. М. Региональные культуры России: общее в особенном/ Г. М. Казакова // Социально-культурное пространство региона: мат. всерос. науч.-практ. конф. (Тюмень 17– 18 апр. 2003 г.) – Тюмень, 2004. – С. 5–13.

19. Казакова, Г. М. Основы региональной культуры: уч. пособие / Г. М. Казакова Гриф УМО «Народная художественная культура», «Социально-культурная деятельность». – Челябинск, 2008. –254 с. ISBN 5-94839-106-Х.

20. Казакова, Г. М. Ценностные ориентиры этнопедагогики как основа регионального образования / Г. М. Казакова // «Педагогическое образование и наука». – 2007. – № 3. – С. 42–46.
21. Казакова, Г. М. Формирование Уральской ветви Российской культуры: теоретико-методологические подходы к изучению / Г. М. Казакова // Россия – Узбекистан: перспективы образовательно-культурного сотрудничества: сб. науч. тр. междунар. конф. – Челябинск: ЧГАКИ, 2007. – С. 34–42.
22. Казакова, Г. М. Проблемы региональности в изучении художественной культуры России / Г. М. Казакова // Культурологические исследования. Направления, школы, проблемы: сб. науч. тр. – СПб: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 1998. – С. 75–80.
23. Детерминанты художественной культуры Южного Урала нового и новейшего времени / Г. М. Казакова // Регионы России: художественные процессы Нового и Новейшего времени: сб. науч. ст. – СПб: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2001. – С. 54–64.
24. Казакова, Г. М. Некоторые детерминанты культуры повседневности Южноуральского региона / Г. М. Казакова // Повседневность как текст культуры: мат. междунар. науч. конф. – Киров: Изд-во ВятГУ, 2005. – С. 164–171.
25. Казакова, Г. М. Городская субкультура Южного Урала: некоторые аспекты генезиса / Г. М. Казакова // Южный Урал в судьбе России (к 70-летию Челяб. обл): мат. всерос. науч.- практ. конф. – Челябинск, 2003 – С. 354–358.
26. Казакова, Г. М. Опыт реконструкции «уральского» менталитета / Г. М. Казакова // Вестн. Челяб. ин-та экономики и права. – 2002. – № 2. – С. 183–187.
27. Казакова, Г. М. Национально-этнические отношения на Южном Урале / Г. М. Казакова // Урал в диалоге культур и эпох: сб. мат. III Слав. науч. собора 24 мая 2005г. с междунар. участием. – Челябинск: ЧГАКИ, 2005. – С. 41–44.
28. Художественная культура Урала 18-19 вв. / Г. М. Казакова // Вестн. ЧГАКИ. – Сер. 3: Культурологические науки. – 2003. – № 3. – С. 28–41.

29. Казакова, Г. М. Духовный мир русских уральцев / Г. М. Казакова // Человек в мире культуры: сб. науч. тр. Урал. гос. пед. ун-та. – Екатеринбург, 2006. – Вып. 2 – С. 30–35.
30. Казакова, Г. М. Русский язык как репрезентант этнокультурных контактов (на примере Южного Урала)/ Г. М. Казакова // Мир русского слова и русское слово в мире: мат. XI междунар. конгресса ассоциации преподавателей рус. яз. и литературы. Варна, 17–23 сентября, 2007. – Sofia: Heron press, 2007. – Т. 4. – С. 517–520.
31. Казакова, Г. М. Уральский монастырь как «культурное гнездо» колонизирующейся России (на примере Далматовского монастыря) / Г. М. Казакова // Православная культура на Урале: контексты истории и современность: мат. науч.- богосл. конф. с междунар. участием: IV Слав. науч. собор «Урал. Православие. Культура». – Челябинск, 2006. – С.173–177.

Казакова Галина Михайловна

**РЕГИОН КАК СУБКУЛЬТУРНЫЙ ЛОКУС
(на примере Южного Урала)**

24.00.01 – теория и история культуры

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора культурологии

Формат 60x84 1/16
Заказ №1016

Объем 2,5 п.л.
Тираж 100 экз.

Московский государственный университет культуры и искусств
141406, Московская обл., г. Химки-6, ул. Библиотечная, д. 7

Отпечатано в типографии МГУКИ. Ротапринт.